

(окт.)

(Окончание.
Начало на стр. 25)

— А сейчас? Вновь большие надежды заканчиваются возвращением недавнего прошлого?

— Пока еще мы пользуемся какими-то плодами революции 90-х годов. Власть сама, скорее всего, не хочет возвращения былого тоталитаризма. Повернуть страну к прошлому можно только путем террора. А власть на это не пойдет. Во-первых, она понимает, что, если начнется государственный террор, они уцелеют только в первом круге. Это вечная история всех революций. Во-вторых, власть не хочет возникновения общества коллективного распределения... Они богатые, они не хотят ни коммунизма, ни социализма...

— А на что нацелены все последние политические изменения в стране?

— Ну, я думаю, что власть просто пытается стабилизировать раскачившееся общество. Хотя бы формально. Вот и создается вертикаль, чтобы каждый знал, кому он подчиняется, чтобы был порядок. Только нужно помнить, что вертикаль эта может прорости осиновым колом. Но пока это, слава Богу, не происходит. Пока стараются сохранить какие-то элементы свободного общества.

— Перед Западом стараются?

— Да нет, это потребность нашего общества. Например, границу держат открытой. Сейчас это кажется в порядке вещей, но мы-то прожили всю жизнь с закрытой границей.

Моя мама никак не могла поверить, что когда-нибудь она пересечет границу Советского Союза. Помню, вез ее во Францию, а она дрожала как осиновый лист. Граница Польши, потом ГДР, бесконечные проверки. Тянутся станции, на платформах пограничники с автоматами. Она смотрит в окно и все спрашивает: «Вася, это уже Запад?». И вот наконец проезжаем станцию, на которой вместо автоматчика стоит одинокий старик в твидовом пальто и с тремя таксами на поводке. Вот тогда я сказал: мама, это Запад.

— Как вы думаете, откуда у нашего президента такой рейтинг доверия граждан?

— Во-первых, президент у нас вообще редко считается виновником каких-либо неприятностей. Во всем неприглядном привыкли видеть действия секретных, теневых сил, эдакой камарилии. С другой стороны, экономическое процветание, выпавшее на правление Путина. Выгодные цены на нефть, колоссальные накопления Стабфонда. Как результат — более стабильная жизнь. Нельзя отрицать, что люди стали жить лучше. Я захожу в ЦУМ и вижу, как много там дорогих марок и как много там покупателей. И все благодаря капитализму. Капитализм, раскручиваясь, пусть даже не очень честным путем, вызывает циркуляцию, которая наполняет, скажем, города товарами. Все есть, деньги только нужны.

— Выходит, что нам приходится довольствоваться открытыми границами и бутиками в ЦУМе, доступными, кстати, единицам из всего населения. Так что и говорить о демократии...

— Еще один аргумент. Литература. Нет ни малейшего признака цензуры. Ни малейшего! Понимаете, никогда не было этого в России, чтобы литература не контролировалась. А сегодня она свободна на 150 процентов. И все искусство в целом: в театрах ставят все, что хотят, художники организуют какие-то дикие

инсталляции. И все это свободно обсуждается в прессе.

— Свобода художникам — это замечательно, но ведь подавляющее большинство населения закармливается телевидением, полностью узурпированым властью.

— Телевидение вообще-то в любой стране довольно ужасное. Не думаю, что у нас все так сильно контролируется. Познер, Архангельский высказываются сами и дают говорить другим.

Вообще одна из явных ошибок Путина состоит в том,

— Достоевского не надо, Льва Николаевича не надо. Пастернак — это неплохо.

— Ну раз на литературу не решили, скажите, вы, вслед за нашим поэтом, никогда не сетовали, что угораздило вас «с душой и талантом родиться в России»?

— Россия — это часть земного шара все-таки, христианская земля. Пушкину, увы, смотреться не удалось, а меня, слава Богу, просто выставили.... При советской власти я был то выездным, то невыездным. Обвиняли в том, что я выполнял задание западных спецслужб, по-

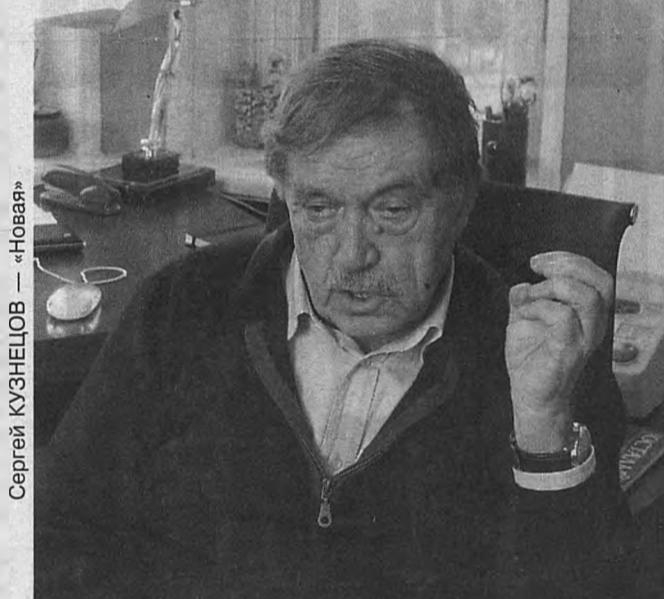
самое большое одолжение литературе делает правительство, которое не обращает на нее внимания. В Америке есть такое выражение: «It's just a book». Наверное, так и должно быть. Книга сегодня имеет влияние на очень узкий круг читателей, да и то в основном эстетическое. Писатель уже не нуждается в звании «властителя дум».

— Диссидентство — это явление чисто русское?

— Думаю, оно у нас просто особое. С глубокими историческими корнями. Много параллелей с предыдущим веком. Были

Василий Аксенов:

Идеальный президент? Пастернак

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

что он не говорит с народом о внезапных бедах. Говорит только тогда, когда нельзя не сказать. И то, что он до сих пор молчит, даже после увольнений в Генпрокуратуре, по делу Ходорковского — это очень нехорошо. Но, возможно, Путин виноват лишь в том, что дает ввести себя в заблуждение, идет у кого-то на поводу. Как говорится, почти добрый царь — почти злые бояре.

— Скажите, а откуда у вас такой оптимистический взгляд на страну?

— С чего вы взяли? Напротив, мой взгляд, увы, не очень оптимистичный. Я цепляюсь за какие-то положительные моменты, но в целом боюсь за страну. Раньше я особо не симпатизировал Путину, как я вообще никогда не симпатизировал людям из органов. Но он, по крайней мере, действительно обеспечил какую-то стабильность.

— Ну а кто, по-вашему, должен все-таки прийти на смену? В идеале?

всякому выворачивали руки. Потом совсем из страны вышибли. Так что я космополит. Большевики когда-то высыпали русских философов, думая, что они там никому не нужны, что они сдохнут под забором. Так же высыпали и нас. А меня сразу в университет пригласили преподавать.

Удручило то, что Запад всегда хотел видеть катастрофичность состояния России. И, кстати, среди русских эмигрантов это желание было особенно сильным. Когда я говорил о положительных сторонах российской жизни, на меня махали рукой: мол, меня купили. Кто? За какую похлебку? На Западе не хотят слышать о том, что происходит в этой стране вне Кремля. А происходит очень многое, вне зависимости от политики и власти.

— Почему Россия всегда была так неласкова к писателям?

— Большевики колоссально преувеличивали значение литературы. И, запрещая, делали ее более влиятельной. Но, пожив на Западе, я понял, что

шестидесятники XX века, были шестидесятники XIX. Их так же преследовало правительство, они так же с ним боролись.

Революцию ведь организовали не марксисты. А те бешенные, романтики, байрониты, которые в течение 40 лет, начиная с убийства Александра II, терроризировали правительство.

— Как вам удалось остаться русским писателем в эмиграции?

— Там я написал лучшие свои романы, о которых почему-то говорят реже, чем о других. А сейчас я завершаю свой новый роман — «Редкие земли». Это история одной корпорации, которая занимается добывкой редкоземельных элементов. И как всегда, вещь реалистичная, но с неожиданной метафорой.

— Вы делаете прогнозы на будущее?

— Какие там прогнозы... Все поворачивается неожиданно. Никто из моего поколения не мог себе представить, что большевизм рухнет. Единственное, на что мы могли надеяться, — что политика станет чуть разумнее и рациональнее. Кто мог предсказать, что придет Горбачев и осмелится разложить эту многолетнюю пирамиду из окаменевшего дерева при том сопротивлении, которое было?! В этом была огромная его заслуга.

Сегодня же возвращение в прошлое возможно только в случае колоссального военного переворота. Мы все еще живем в процессе распада империи. И из-за этнических стычек этот процесс этот может показаться бесконтрольно. На этом фоне может появиться диктатор. Так что если представить себе, что президент уходит, не обеспечив нормальные выборы, если развалится выстроенная вертикаль умеренных... Но лучше этого не представлять.

● Ксения КРОХИНА
Фото Сергея КУЗНЕЦОВА